

Виктор Точинов

Твари, в воде живущие

Твари, в воде живущие

Виктор Точинов

Твари, в воде живущие

«Точинов Виктор»

Точинов В. П.

Твари, в воде живущие / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,
— (Твари, в воде живущие)

Озеро Трэйклэйн, что в штате Висконсин, уже много лет было местом «паломничества» любителей рыбной ловли. Согласно местной легенде в озере обитал гигантский лосось Биг-Трэйд, которого мечтал поймать любой турист-рыболов, приезжавший на берега этого громадного водоема. Но старая легенда приобрела новое звучание, когда в озере было найдено тело, покрытое следами от клыков неизвестного животного...

Содержание

Часть первая	5
ЭПИЗОД 1	5
РАССЛЕДОВАНИЕ.	10
ВЕРСИЯ 1. ХЕММЕТ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктор Точинов

Твари, в воде живущие

И сотворил Бог рыб больших, и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их...

И увидел Бог, что это хорошо.

Быт. 1, 21

Часть первая

РУССКИЙ СЛЕД

ЭПИЗОД 1

Семья Берковичей, озеро Трэйклейн, штат Висконсин, США

17 июля 2002 года, 10:41

Жара. Давно невиданная в этих местах жара. Старожилы смутно вспоминают, будто нечто подобное имело место в последний год президентства Картера, но метеоцентр в Милуоки заявляет со всей ответственностью: ничего похожего за 109 лет их регулярных наблюдений не случилось. Рекорд – но совсем не радующий.

Восточный берег озера Трэйклейн, безымянный трейлервилль в полусотне метров от воды – обитатели, впрочем, называют его Пфуллэндом. Обширная площадка, залитая чем-то тестообразным и липким, что в нормальных условиях должно изображать асфальт, заполнена трейлерами едва наполовину. Людей и машин почти не видно – берега здешней бухты, усыпанные острыми обломками камней, к купанию не располагают. Многие отдыхающие с утра пораньше отправились на пляжи Трэйк-Бич, регулярно засыпаемые привозимым на грузовиках песком...

Многие, но не все. Трое несут к воде желто-синюю надувную лодку – дешевую, тайваньскую. Точнее, несут двое – мужчина и женщина, оба лет тридцати на вид, а мальчик с соломенно-рыжими волосами старается им помочь.

Раскаленный берег напоминает не то пустыню Мохаве, не то дневную сторону Меркурия, не то что-то еще... Короче – жарко. От озера должно бы тянуть прохладой, однако не тянет. Над поверхностью трепещет марево, как над кастрюлей с закипающим супом. Лодка шлепается на воду, с обеих сторон лениво взлетают брызги – и кажется, что обратно падает лишь половина, остальные успели испариться.

Мужчина опускает на камни весла, которые нес под мышкой, и возвращается назад, к трейлеру. Мальчик уже сидит в лодке, на носу. Радостно кричит:

– Мама, сегодня я капитан! Сегодня я выловлю старину Трэйки! Обязательно!

– Конечно, Солли, обязательно выловишь, – говорит мать, укладывая в лодку снасти – три спиннинга и подсачек. Голос ее звучит равнодушно, но – странное дело – объемистая грудь под топином вздымается учащенно, словно женщину и в самом деле весьма волнует перспектива поимки старины Трэйки. Она нетерпеливо оглядывается назад, в сторону трейлервилля.

Подходит мужчина – на плече лодочный мотор, по лицу сбегают капли пота. Вид недовольный, время для рыбалки более чем неудачное. В такую жару шанс подцепить хоть что-либо есть лишь на утренней или вечерней заре. Но обещание сыну дано, лимит отсрочек и отговорок давно исчерпан.

Лодка отваливает от берега, мать машет рукой ей вслед, – впрочем, недолго. Поворачивается и идет к трейлерам.

Там же. Сорок минут спустя

Электрический мотор жужжит еле слышно, лодка тащится со скоростью две с половиной мили в час – идеальный ход для ловли на блесну. Два спиннинга заброшены, третий остается в запасе. Мальчик, затаив дыхание, поглядывает то на кончики удилиц, то за корму, где на сумрачно-таинственной тридцатифутовой глубине движутся блесны. Сейчас, сейчас! Спиннинг изогнется упругой дугой и суперпрочная морская леска натянется как струна...

Папа управляется с мотором и поглядывает на свой спиннинг изредка и равнодушно. На его гавайке растет пятно пота. Папа решает насущный и жизненный вопрос: одну или две упаковки пива купить после окончания нудной обязаловки. И приходит к выводу, что оптимальным будет круглое и красивое число «три». Впрочем, иногда у папы мелькает, что число «пять» своей красотой и завершенностью не уступает тройке... Тем более что в нынешнюю жару Джудит лакает пиво с жадностью вышедшего из пустыни верблюда. Сравнение жены с парнокопытным животным нравится папе, он улыбается – впервые с начала рыбалки.

Мальчик, ободренный его улыбкой, спрашивает:

– Папа, а моя леска точно выдержит Трэйка?

Мужчина снова мрачнеет.

– Если не выдержит, Сол, то я затаскаю по судам эту чертову компанию «Корморан». С меня содрали за их чертову «плетенку» сорок девять долларов девяносто центов – и клялись, что раньше развалится на куски чертов спиннинг или вставная челюсть чертова Трэйка, а после этого леске еще хватит прочности, чтобы повесить на ней всех чертовых сенаторов-демократов. А поводок перед блесной, если верить им, не одолеет даже чертов крокодил, вооруженный бензопилой!

Больше мальчик ни о чем не спрашивает. Он думает о миллионе долларов – призе за поимку живой легенды озера, Трэйка, гигантского лосося, больше их лодки размером. Интересно, хватит ли призовой суммы для того, чтобы у отца раз и навсегда исправилось настроение? И сам понимает – едва ли.

В бухте поклевки нет, и мужчина разворачивает лодку от берега, хотя знает – и на открытой воде тоже не будет.

В то же время на трейлерной стоянке

Женщина, проводившая на рыбалку мужа и сына, идет по трейлервиллю. Причем весьма странным путем – между оградой и вытянувшимся вдоль нее длинным сплошным рядом подсобных помещений. Путь кружной, а дорога усыпана бутылками, банками из-под пива, прочим мусором... Зато сюда никто и никогда не заглядывает, а женщине хочется скрыть свой поход от чужих глаз.

Она осторожно выглядывает из-за угла – никого не видно – и быстро пересекает десяток ярдов открытого пространства до стоящего на самом краю трейлера. Хозяин дома. И ждет ее.

В то же время на озере

Папа поворачивает чуть в сторону – чтобы обогнуть застывшую на воде белую пластиковую лодку с низкими бортами и торчащими над ними удочками. Он предпочел бы держаться как можно дальше от нее, но выход из бухты достаточно узок и закладывать крутые виражи не стоит – лески спиннингов могут перехлестнуться. Папе совсем не хочется распутывать их на такой жаре. Ничего другого ему, впрочем, тоже не хочется. Разве что пива, много пива...

В белой лодке, глядя на неподвижные поплавки, сидит пожилой джентльмен – тоже весь в белом. Широкополая белая шляпа, белые отглаженные брюки, белоснежная рубашка с белым галстуком-бабочкой (!); ниже колен ноги джентльмена не видны, но папа готов поклясться, что там имеют место белые летние туфли и свежайшие белые носки. Чертов старый пижон...

– Здравствуйте, мистер Косовски! – кричит мальчик, когда лодки сближаются.

Старик церемонно приподнимает над головой шляпу. Папа бурчит что-то неразборчивое.

– Мы решили обязательно сегодня поймать Трэйка! – продолжает мальчик. – Знаете, какая у нас леска? Папа говорит, что на ней можно повесить всех... – мальчик осекается, в свои восемь лет он уже хорошо понимает, что не все слова папы можно повторять посторонним; заканчивает по-другому: – Все трейлеры с нашей стоянки!

Пожилый джентльмен улыбается.

– Когда я был моложе, я тоже хотел поймать Трэйка... Помню, однажды... – Старик явно настроен рассказать какую-то рыбацкую байку, но папа поворачивает ручку мотора. Лодка ускоряет движение и выходит из бухты, ответные слова старика не слышны.

В то же время на стоянке, в крайнем трейлере

Здесь не то что бы прохладно – скорее, менее жарко, хотя кондиционер включен на полную мощность. Женщина сидит на диванчике, плотно прижавшись к молодому человеку, на вид лет на шесть-семь моложе ее. Он одет лишь в легкие хлопчатобумажные брюки, торс обнажен – рельефно мускулистый, безволосый. Женщина проводит пальцами по его груди, медленно, ласково... Говорит:

– Надо поспешить, Дэви. Отцовских чувств моего рогатого козлика надолго не хватит... Молодой человек целует ее. Женщина закрывает глаза, не видя на его лице легкой скуки. Затем они спешат...

На озере

Спиннинг мальчика – тот самый, с суперпрочной плетеной леской – внезапно изгибается крутой дугой. Трещит катушка.

– Чертов зацеп! – Папа выключает мотор. Лодка останавливается. – Откуда он на этой чертовой глубине!? Разве что плавучая коряга...

Мальчик смотрит на изогнутый спиннинг с надеждой. Тот медленно распрямляется – леска тянет лодку назад.

– Может, это Биг-Трэйк?

– Какой еще чертов Биг-Трэйк? Обычная чертова...

Папа не успевает договорить. Спиннинг вновь изгибается – резко, чуть не вылетев из кронштейна-крепления. Гибкий конец его хлещет по воде. Треск катушки сливается в сплошную скрежещущую трель. Леска разматывается, но недостаточно быстро – лодка начинает скользить назад.

– ...Обычная чертова подводная лодка! – изумленно заканчивает папа. Но никаких субмарин тут быть не может, и оба это знают.

– Трэйк... – восхищенно шепчет мальчик.

Папа торопливо перебирается поближе к спиннингу. Ни в какого Биг-Трэйка он, понятно, не верит. Но точно знает, что каждый год пойманному в Трэйклеине самого крупного за сезон озерного лосося выдают ни много, ни мало – десять тысяч хороших зелененьких долларов. А если еще ко всему рыба окажется больше, чем Литл-Трэйк – абсолютный рекорд прошлых лет, весивший сколько-то там чертовых фунтов, чье чертово чучело хранится в музее озера, – тогда приз составит пятьдесят тысяч. Да-да, именно пятьдесят. Именно тысяч. Пятьдесят тысяч чертовых долларов. За один заброс. Неплохой улов, а?

Катушка с треском вращается – то быстрее, то медленнее. Лески на объемистом барабане остается все меньше. Папа нажимает на стопор. Вращение прекращается. Спиннинг изгибается круче, лодка скользит по воде быстрее. Папа спокоен.

– Пускай, – говорит он не то сыну, не то себе, сматывая второй спиннинг. – Пускай возит нас, сколько влезет. Я согласен кататься на нем хоть до вечера – лишь бы утомился и всплыл кверху брюхом.

В рекордно длинной тираде ни разу не помянут «черт» – и мальчик удивлен. Осторожно спрашивает:

– Но ведь это я поймал его, па? Ведь это мой спиннинг?

Теперь удивлен папа. В мыслях он уже пересчитывает пятьдесят тысяч долларов – конечно же пятьдесят, никак не десять. Судя по силе тяги, Литл-Трэйку придется-таки потесниться на пьедестале.

Отец кивает на спиннинг:

– Поймал – так попробуй вытащить.

Сын тоскливо смотрит на упруго изгибающееся удище. Леска натянута как струна. В одиночку с жителем глубин не справиться... Мальчик говорит неуверенно:

– Ну тогда... мы поймали вместе, да?

Папа милостиво кивает. Несовершеннолетнему денежную премию все равно не выплатят...

Они все ближе к середине озера – Трэйклеин здесь шириной мили три, не больше. Усевшие пляжи купальщики кажутся крохотными муравьями, прибрежные коттеджи – россыпью разноцветных коробочек. Тяга, похоже, слабеет, – папа пытается вспомнить, где и в присутствии каких свидетелей полагается измерять и взвешивать рекордный трофей...

В этот момент спиннинг резко разгибается. Леска безвольно провисает.

– Что за чертовы...

Папа берется за леску – та ползет из воды без малейшего сопротивления. Он бьет кулаком по надувному борту.

– Ушел, ушел!!! Чертов лосось... Говорил тебе, чертов щенок – не лезь с дурацкими вопросами под руку!!!

Никаких вопросов мальчик не задавал, но он понимает – возражать не время и не место.

Папа чувствует себя обокраденным на пятьдесят тысяч, и готов сорвать злобу на ком угодно. Следующим номером программы у него будет чертова компания «Корморан», производящая чертовы гнилые лески, но перейти к ее критике папа не успевает.

Удар.

Корма лодки взлетает и падает обратно.

Резкий свист воздуха.

Задние баллоны стремительно опадают.

Мальчик визжит.

Нос лодки задирается.

Корма погружается – папа в воде уже по пояс. «Держись за чертову скамейку!!!» – орет он. Поздно. Мальчик сползает к корме. Лодка – полуспущенная, сохранившая воздух лишь в носовой части – встает вертикально.

Секунда неустойчивого равновесия – и суденышко рушится на воду днищем вверх. Папа накрыт лодкой, он барахтается в темноте, забыв про мальчика. Что-то бьет его по ногам – не сильно. Папа уходит вглубь, выныривает из резинового плена, зовет сына. Тот не откликается – но с другой стороны лодки слышно какое-то бултыханье. По ногам опять что-то бьет – на этот раз сильнее. Гораздо сильнее. Папа не обращает внимания, он спешит обогнуть лодку, убедиться, что с сыном все в порядке, – и не может. Странное онемение сковывает ноги. «Что за чертово...» – тут папа замечает, что вокруг него, густея, расплывается алое пятно.

Тогда он кричит – громко, но недолго.

РАССЛЕДОВАНИЕ. ФАЗА 1

Тренировочный зал ФБР, Вашингтон

23 июля 2002 года, 10:08

Метательный нож прочертил воздух стремительной молнией и глубоко вонзился в стену. Специальный агент ФБР Элизабет Рейчел Блэкмор (для близких знакомых – Элис) разочарованно вздохнула. Угодить, согласно ее задумке, смертоносный снаряд должен был в переносицу манекена-мишени...

Послышались негромкие аплодисменты. Элис обернулась, зашипев как разъяренная кошка. Она не терпела свидетелей на своих тренировках – по крайней мере до тех пор, пока не достигала желаемого результата. И специально выбрала этот час, когда принадлежавший ФБР зал пустовал.

За ее спиной стоял Кеннеди. Не призрак застреленного в Далласе президента, понятное дело, – всего лишь спецагент Макс Кеннеди, с которым Элис уже шесть лет работала в паре.

– Я, наверное, не вовремя? – спросил Макс. – Могу подождать за дверью, пока ты закончишь.

– Оставайся, раз уж пришел, – разрешила Элис (хотя секунду назад по ее лицу казалось, что второй нож вместо манекена полетит в напарника). И спросила с надеждой: – Чем закончился твой визит к начальству?

Сегодня с утра спецагент Кеннеди отправился в приемную своего шефа в самом боевом настроении, намереваясь поставить перед Истерлингом дилемму: или они с напарницей уходят в отпуск, или в отставку. После возвращения из очередной изматывающей командировки отдохнуть было совершенно необходимо.

– Две новости, – сказал Кеннеди. – Как обычно, хорошая и плохая. Во-первых, Истерлинг отправляет нас на курорт за счет конторы. Это хорошая.

– А плохая состоит в том, что лишь на грядущий уик-энд? Меньше чем на две недели я не согласна.

– Нет... Плохая в том, что на курорте нам придется работать.

– Ах ты... – Элис проглотила адресованное Истерлингу нехорошее слово. С ненавистью посмотрела на манекен, представляя на его месте своего начальника. И метнула нож. Но опять промахнулась.

Глядя на нее, Кеннеди вздохнул. В облегающем спортивном костюме, с растрепавшимися рыжими волосами и с ножом в руке рассерженная Элис выглядела чертовски привлекательной... Настолько привлекательной, что можно было бы на время позабыть о жене, и... Но Макс давно установил для себя правило – служебные отношения с коллегами (особенно с женщинами-коллегами) никогда не должны перерасти в нечто большее. Трудно идти на рискованное дело с очень близким тебе человеком. Поэтому они со Элис оставались лишь друзьями.

Хотя... Порой, когда незнакомый мужской голос приглашал Элис к телефону, и из ее реплик следовало, что вечером намечается свидание, Макса так подмывало сделать исключение из собственных правил.

Оторвавшись от созерцания напарницы, он подошел к стене и с трудом выдернув глубоко засевший в доске клинок (расщепленный деревянный щит в этом месте зала заменяли раз в две недели).

– Неплохо... – прокомментировал Кеннеди. – Силу броска ты натренировала потрясающую. Еще пару лет поработаешь над меткостью, и тебя с радостью примут в любую странствующую цирковую труппу...

– Издевайся, издевайся... Если когда-нибудь это моё умение спасет твою задницу от больших неприятностей – припомню твои слова.

– Прекрати, Элис... Что за маниакальная страсть учиться всему на свете? Сколько у тебя скопилось дипломов магистра и бакалавра в разных областях знаний? Три?

– Четыре, Макс, четыре – если сосчитать диплом академии ФБР...

Она не стала признаваться, что дома у нее уже лежит программа заочного курса Мичиганского университета по социологии, – совместно с кучей учебников и пособий по данному курсу... «Ему только дай повод, – думала Элис, – живо начнет рассуждать о сублимации материнского инстинкта, или еще о чем-нибудь столь же беспредметном... Тратить свободное время на учебу в любом случае полезней, чем коллекционировать курительные трубки, как Кеннеди...»

Элис благоразумно промолчала. Кеннеди продолжал:

– Четыре диплома! В двадцать восемь лет! И это не считая степени доктора медицины... Так зачем ко всему прочему пытаться стать Джеймсом Бондом в юбке? Стоит тебе поддаться на уговоры Истерлинга и уйти с оперативной работы – и станешь лучшим экспертом-аналитиком ФБР. Совсем не обязательно выдергивать оружие из кобуры за четверть секунды или крушить кирпичи ладонью...

– Да? А вспомни-ка, что собирались сотворить с тобой вудуисты в Алабаме – и сотворили бы, не выхвати я пистолет за ту самую четверть секунды.

– Ну уж... – сказал Кеннеди слегка смущенно. – По-моему, тогда у меня еще оставались немалые шансы.

Чтобы скрыть неловкость, он добавил:

– А делается это примерно так...

Он метнул нож. Манекен опрокинулся. Элис рассмеялась. Нож ударил точно в лоб – но не лезвием, а рукоятью.

– Зря смеешься, – строго сказал Кеннеди. – После такого попадания клиент готов, можно надевать наручники и вызывать спецтранспорт... А ты после «удачного» броска сможешь провести допрос лишь посредством спиритического сеанса. Да еще придется писать оправдательные бумаги для начальства и отвечать на каверзные вопросы коронера на предварительном слушании.

– Поживем – увидим, – не стала спорить Элис. – Кстати, ты не сказал, где нас ожидает это счастье – отдых на курорте и расследование в одном флаконе.

– Трэйк-Бич, штат Висконсин.

– Никогда не слышала...

– Теперь услышишь. И даже увидишь.

Офис шерифа Кайзерманна, Трэйк-Бич

24 июля 2002 года, 12:47¹

Сегодня с утра – как и в прочие дни этого рекордно жаркого июля – шериф Кайзерманн пребывал в паршивом настроении. И к середине дня оно отнюдь не улучшилось, скорее наоборот. Причины тому были вполне весомыми.

Сначала в кабинете Кайзерманна скончался кондиционер. Издал предсмертный хрип, живо напомнивший шерифу его умершего от силикоза дедушку, и замолчал навсегда. Термометр на стене отреагировал незамедлительно – столбик ртути пополз вверх. В ремонтном бюро Пикерса – куда Кайзерманн дозванивался более часа – посочувствовали и пообещали прислать специалиста завтра, во второй половине дня. Шериф вознегодовал, но девушка-диспетчер ответила измученным голосом, что кондиционеры ломаются сейчас у всех, что штаты у них не резиновые, что вообще во всех инструкциях сказано: нельзя гонять технику много дней подряд на предельных режимах.

Шериф, даже не прикрыв трубку ладонью, кратко высказал все, что думает о хваленном американском сервисе:

– Katzendreck!²

Предки Кайзерманна переселились из Ганновера два с лишним века назад, и он даже не знал, что означают несколько семейных ругательств, изредка им употребляемых. Судя по всему собеседница тоже не изучала в колледже немецкий, но экспрессия в голосе шерифа произвела нужное впечатление – девушка, изменив тон, объяснила, что и без того занесла уважаемого мистера Кайзерманна в льготную очередь, наряду с заместителем мэра и самим мистером Вайсгером, – в противном случае ремонта на общих основаниях пришлось бы ждать не меньше недели...

Раздосадованный шериф сменил дислокацию и уселся в приемной на кресло для посетителей – тут кондиционер функционировал, хотя тоже находился в прединфарктном состоянии.

Именно здесь Кайзерманна подстерегла очередная неприятность. Поначалу, правда, неприятностью она не выглядела. Скорее наоборот: когда исполнявшая при шерифе секретарские обязанности двадцатилетняя Ширли Мейсон нырнула под свой стол, дабы в очередной раз пошевелить барахлящий разъем принтера, оставшаяся доступной обозрению часть тела девушки, рельефно обтянутая юбкой-стрейч, явила более чем приятную картину. И шериф не удержался...

В общем, пулей вылетевшая из-под стола Ширли немедленно обвинила Кайзерманна не много, не мало – в сексуальном домогательстве средней степени тяжести. Голосок девушки чеканно звенел, когда она перечисляла все принятые на эту тему федеральные законы и законы штата, поправки и дополнения к ним, а также прецеденты, проистекавшие из имевших место судебных разбирательств. Ширли собиралась учиться на юриста, и подкована была хорошо, особенно в этом вопросе – ее фигура часто провоцировала представителей противоположного пола на малые сексуальные домогательства – например, на пристальные взгляды, комплименты и порой даже (о, ужас!) на предложения провести вечер в ресторане.

Отметивший этой весной свое сорокашестилетие шериф Кайзерманн понурился и почувствовал себя древней и никому не нужной развалиной – вроде тех ископаемых старичков, что

---

¹ В США сутки делят на две части по 12 часов каждая – полудни и полночи. Но армия, полиция, ФБР, другие спецслужбы используют международное, двадцатичетырехчасовое исчисление времени суток.

² Кошачье дерьмо (нем.)

собираются вечерами на обширной террасе у Фрэнка Косовски и болтают о событиях президентства Айка³ как о достаточно свежих новостях. А ведь во времена его, шерифа, молодости девушки считали себя обиженными, если не испытывали этих самых «малых домогательств»... А уж начальственная ладонь, ласково хлопнувшая по попке годящуюся в дочери подчиненную, могла рассматриваться лишь как служебное поощрение... Эх, времена...

Конечно, извинения шерифа были в конце концов приняты, и мир восстановлен. Но в результате Ширли получила на завтра выходной, а сегодня ушла домой с половины дня – восстанавливать нервную систему после пережитого стресса и возмещать моральный ущерб. Оставшись один, Кайзерманн удрученно задумался, не стало ли всё произошедшее – и якобы отошедший разъем, и якобы вынуждено принятая поза – хитрой провокацией молодой интриганки, рассчитанной именно на такой исход...

Планы сегодняшнего дня летели к чертям. Именно сейчас, в самую полуденную жару, шериф собирался сам отправиться домой и провести часа четыре в прохладной спальне. Кайзерманн не был лентяем, манкирующим своей работой. Но когда вешишь двести шестьдесят фунтов и на жаре после самых незначительных усилий из тебя галлонами выходит выпитое пиво – то исполнять обязанности лучше утром и вечером, в относительной прохладе, не показываясь на полуденном солнцепеке своим потенциальным избирателям. Красный как рак и потеющий в три ручья шериф не вызывает особого доверия и уважения...

Увы, всё пошло наперекосяк, и теперь придется сидеть в офисе одному – пульт оперативной связи оставить без присмотра нельзя. Оставшиеся в строю в сезон повальных отпусков подчиненные – числом пятеро – тоже загружены по горло. В том числе и тем делом, на которое Кайзерманн возлагал большие надежды. Весьма большие. И именно сегодня вечером...

Звонок, слегка фальшивя, проиграл начальные такты из арии Кармен, оторвав шерифа от грустных размышлений. Он взглянул на экранчик домофона – перед входом в офис стояли двое, никак не напоминавшие прибежавших за помощью отдыхающих, у которых пропал сушившийся надувной матрас или не может слезть забравшаяся на дерево кошка... Вид у пришельцев был деловой и серьезный. Официальный. И Кайзерманн заподозрил, кто они такие. Вдохнул, сказал в микрофон: «Входите!» и нажал отпирающую дверь кнопку.

Он не ошибся.

– Детектив Хэммет, полиция штата, – представился один из вошедших, двухметровый верзила-негр («Пardon, афро-американец», – мысленно поправился шериф, относившийся к нормам политкорректности с плохо скрытой брезгливостью).

– Агент Кеннеди, Федеральное Бюро Расследований, – сказал второй. – Заранее отвечаю на ваш следующий вопрос: с кланом Кеннеди-политиков никаким родством я не связан.

Офис шерифа Кайзерманна, Трэйк-Бич

24 июля 2002 года, 13:14

– Черт побери, – с чувством произнес шериф, яростно обмахиваясь папкой с документами, двух направленных на него вентиляторов уже не хватало. – Поймите, что любой водоем представляет из себя источник потенциальной опасности! Тем более такой, как Трэйклейн, – где сорок с лишним миль берега густо облеплены коттеджами, кемпингами, скаутскими лагерями и палатками туристов. И все их обитатели норуют в эту жару не вылезать из воды! Возьмите сорок миль достаточно оживленной федеральной трассы – и вы увидите, что происше-

---

³ Дуайт Эйзенхауэр, президент США в 1953-1961 годах.

ствий и жертв там будет никак не меньше, особенно в гололед или снегопад. Но никто ведь не будет утверждать, что завелся некий «шоссейный монстр»! А на озере такая жара – полный аналог гололеда на трассе. У людей в воде становится плохо с сердцем – и они тонут. Люди пьют слишком много пива – и забывают присматривать за детьми, да и сами теряют осторожность... А всякие продажные писаки сочиняют страшилки об озерном чудище – единственно потому, что для политических сенсаций сейчас не сезон!

И Кайзерманн с ненавистью посмотрел на лежавшую на столе газету, принесенную гостями. С цветного разворота скалилась огромная пасть – судя по всему, кадр из фильма «Челюсти». Заголовок вопрошал: «Кто ты, Трэйк?» Потехи на крупных ярко-красных буквах явно должны были изображать кровь. Ниже, шрифтом поменьше: «Новые жертвы озерного монстра!»

– Мы все понимаем, – мягко сказал Хэммет. – Но поймите и нас. Общественное мнение в штате взбудоражено этой публикацией. И есть подозрение, что она не станет последней. Теперь любой купальщик, не рассчитавший свои силы и утонувший в озере, будет подан как очередная жертва Трэйка. Наша задача – прояснить это дело, развенчать нелепую байку, вызывающую ненужное брожение умов.

Шериф вскипел:

– Ничего вы не понимаете! Трэйк не имеет никакого отношения к погибшим! НИ-КА-КО-ГО! Трэйк – легенда, символ этих мест, если хотите. Разве символ может кого-нибудь убить? Вы слышали что-нибудь о жертвах Несси? Или Шампа – гигантского осетра, живущего в озере Шамплейн? Или, может, у вас есть статистика по людям, сожранным Ого-лого либо Поуником⁴? Ничего вы не понимаете...

Кеннеди, почти не принимавший участие в разговоре, кивнул. Он как раз прекрасно понимал шерифа. Трэйк был не просто символом здешних мест, но и немалым источником доходов для их обитателей. Любопытствующие туристы, привлеченные легендой, катили к берегам Трэйклейна непрерывным потоком – а вместе с ними текли и их доллары. Футболки, кепки и прочие сувениры с изображением лосося-гиганта шли нарасхват. Немалым спросом между приезжими пользовались и суперпрочные океанские снасти – для которых, честно говоря, подходящей добычи в озере просто быть не могло. Ежегодный рыболовный праздник собирал любителей со всех северо-восточных штатов – и каждый, пусть и не совсем всерьез, но рассчитывал подцепить-таки старину Биг-Трэйка – положенный много лет назад в банк приз за его поимку уже изрядно оброс процентами и перевалил ныне за миллион долларов... Шериф Кайзерманн прекрасно понимает, чем обернется для его округа «развенчание нелепой байки». Или хотя бы смена ее тональности – превращение добродушного гиганта-лосося в кровожадного и опасного монстра.

Был тут и еще один немаловажный нюанс. У большей части земель по берегам озера и у значительной доли обслуживающей туристов индустрии имелся единоличный хозяин. Некий мистер Дж. Р. Вайсгер. И Кайзерманн, как знал Кеннеди, получил свой пост именно при его поддержке.

Что характерно, Хэммет тоже не мог всего этого не понимать. Но делал вид, что не понимает. Надо думать, в игру, затеянную вокруг жирного куска пирога, вступили и какие-то еще люди, интересы коих детектив представляет...

Но к интересовавшим Кеннеди проблемам это не имело особого отношения. И он повернул разговор в нужное русло:

– Извините, шериф. Я вполне согласен, что на таком большом и глубоком озере люди – согласно статистике – непременно будут тонуть, и некоторые тела так и не удастся обнаружить. Возможно, четверо людей, пропавших на озере с начала года, за уши притянуты к этой истории

---

⁴ Ого-лого и Поуник – звероящеры, якобы обитающие в канадских озерах.

автром газетной утки. – Кеннеди поморщился, поняв, что выданная им словесная конструкция выглядит дурным каламбуром, и продолжил: – Но тело последнего погибшего, мистера Берковича, действительно найдено со следами многочисленных ран – нанесенных, согласно предварительному заключению экспертов, именно клыками. Весьма крупными клыками...

Шериф почувствовал себя идущим по минному полю. Сейчас нельзя было допустить ни малейшей ошибки. Стоит дать хоть намек, хоть какую-то ниточку этим незванным гостям – и они смогут выйти на след старательно обложенной шерифом дичи. Выйти – и спугнуть. Поднять раньше времени. Дичь ударится в бега, а в пятнадцати милях отсюда юрисдикция Кайзерманна кончается – и честь поимки будет принадлежать другим. Тогда тщательно проработанный план – как поднять в глазах мистера Вайсгера свою репутацию в преддверии грядущих выборов шерифа – рухнет из-за нелепой случайности.

– Хочу вам напомнить, – осторожно произнес Кайзерманн, – что мистер Беркович с малолетним сыном исчез на озере семнадцатого июля. Труп отца обнаружили у восточного берега двадцать первого числа, тело сына так и не нашли. За четыре дня разложение на такой жаре зашло очень далеко. Тот участок побережья на протяжении около мили покрыт мелкими и острыми камнями. Достаточно оказалось одному идиоту принять следы от ударов о камни на разложившемся трупе за раны от клыков и завопить о чудовище, как завертелась вся эта дурацкая карусель...

– Вполне возможно, – легко согласился Хэммет, – окончательная экспертиза еще не завершена. Но меня интересует один вопрос. Вы очень убедительно рассказывали о подводных течениях на озере, которые порой уносят утонувших в Трэйк-Ривер, не позволяя им всплыть... Но для этого, по вашим словам, надо утонуть в определенном месте и в определенное время. В таком случае, если мальчик утонул рядом и одновременно с отцом, – почему вы не нашли его тело? Может быть, потому, что отец попросту не пролез в плотку вашей легенды и символа?

Трэйк-Бич, уличное кафе

24 июля 2002 года, 14:21

Посетителей в открытом уличном кафе было немного – народ тянулся на пляжи, поближе к воде. Статья о «монстре Трэйклейна» еще не стала здесь широко известна, и Кеннеди знал, почему. Издаваемый в Мэдисоне еженедельник «Норд-Ост Ньюс» по подписке в курортных местечках Трэйклейна не распространялся, а партия предназначенных для розничной продажи экземпляров с одиозной статьей кто-то целиком и полностью скупил во всей округе. Кеннеди даже подозревал – кто.

Конечно, это был паллиатив и полумера. Рано или поздно (скорее – рано) электронные СМИ, тоже тоскующие от летнего дефицита новостей, подхватят и распространят сенсацию. Да и номера «НО-ньюс», купленные приезжающими на курорт в других местах, рано или поздно доберутся до берегов Трэйклейна.

Но пока старания, предпринятые, как считал Кеннеди, людьми мистера Вайсгера, срабатывали. От воды курортники не шарахались.

– Сто три градуса⁵, – тоскливо сказал Хэммет, взглянув на свои часы (помимо указания времени, они выполняли еще массу иных функций, полезных и бесполезных). – И это в тени... Ну, или почти в тени, – поправился он, поглядев наверх, на прикрывавший их от солнца огромный полупрозрачный зонтик.

---

⁵ По шкале Фаренгейта. Чуть меньше 40° по Цельсию.

– Попробуйте сосчитать в градусах Цельсия, – посоветовал Кеннеди. – Тогда получится немного прохладнее.

Детектив не улыбнулся шутке. Он отхлебнул витаминизированного напитка (теоретически – охлажденного), оставил стакан, украшенный изображением дружелюбно улыбающегося Биг-Трэйка и перешел к делу:

– Вы заметили, Кеннеди, что наш друг шериф явно темнит, говоря о трупке Берковича? Рассказывает о нем как бы с чужих слов, поминает «одного идиота», принявшего следы от ударов о камни за следы зубов... А ведь он, Кайзерманн, лично выезжал на место происшествия и сам осматривал тело. И мог бы уж сказать нам *свое* мнение...

– Вы считаете, что у него есть версия, которой он не расположен поделиться?

– Пока не знаю. Но запросы из округов в федеральные органы идут через нас, через столицу штата. И я имел возможность проанализировать всё, чем интересовался Кайзерманн за минувшую неделю.

– Что-то интересное?

– Не то чтобы... Но один персонаж, вызвавший любопытство шерифа, связан с делом отца и сына Берковичей, – по крайней мере косвенно. Жил с ними в одном трейлервилле. Некий Дэвид Корнелиус, семьдесят седьмого года рождения. Кайзерманна интересовало, не светился ли тот где-нибудь раньше.

– И какой поступил ответ?

– Ничего особенного... Пару раз имел задержания за участие в акциях «зеленых» экстремистов – без особых последствий. Но два года назад отличился – застрелил влезшего к нему в дом грабителя. Довольно скверная случилась история.

– Почему? – удивился Кеннеди.

– Грабителем оказался семнадцатилетний сын его соседей. Наркоман в последней стадии. Этот Дэйв Корнелиус – здоровый атлетичный парень – мог скрутить его одной рукой. Мог продержаться под дулом пистолета до приезда полиции. Но вместо этого всадил в парнишку пять пуль сорок пятого калибра в упор. Представляете?

Кеннеди представил и поморщился. Горе-грабителя наверняка собирали по кускам...

– Его не судили за превышение необходимой самообороны? – спросил Кеннеди.

– Судили. И оправдали. Когда Дэйв вошел в комнату, мальчишка как раз пытался взломать тумбочку – по-дилетантски, кухонным ножом. Корнелиус заявил, что нажал на спуск, когда этот нож был направлен ему в сердце – и стоял на такой версии до конца. Мало кто поверил, скорее имелись у них какие-то старые счеты, но доказать ничего не смогли. Однако из родных мест пришлось ему убраться – с тех пор и кочует по стране, нигде подолгу не задерживаясь, проживая деньги, вырученные от продажи унаследованного родительского дома.

– Да, персонаж малоприятный, – согласился Кеннеди. – Особенно в качестве соседа. Но связи с делом Берковичей, да и других пропавших, я пока здесь не вижу.

«Разве что Элис выяснит, что за раны от клыков на разложившемся трупке Берковича приняли следы разрывных пуль сорок пятого калибра» – подумал он про себя. А вслух произнес:

– По-моему, уже есть шанс узнать результаты экспертизы.

Хэммет согласно кивнул. Кеннеди вытащил из кармана телефонную трубку. Заговорил коротко и отрывисто.

– Элис? Что с Берковичем?.. Понял... Да... Понятно... Надо же... Говори самую суть... Да, вечером буду. Все, до связи.

Дал отбой и пояснил в ответ на вопросительный взгляд Хэммета:

– Окончательное заключение по Берковичу будет к вечеру. Но уже сейчас ясно: все повреждения на теле прижизненные. Всплывшее тело об острые камни не ударялось.

Хэммет удовлетворенно кивнул головой, словно ждал именно этого. Кеннеди подумал, что, пожалуй, не только у шерифа есть версия – и нежелание ею делиться. У Хэммета тоже. К тому же из разговора в офисе шерифа он вынес подспудное ощущение: Кайзерманн и детектив полиции штата были ранее знакомы, хоть сейчас ничем этого не проявили... И оба получили от того знакомства не самые приятные впечатления.

Они встали из-за столика, почти не притронувшись к бифштексам с гарниром из зелени – в такую жару аппетит пропадал напрочь.

Хэммет спросил:

– Каковы ваши дальнейшие планы, коллега Кеннеди?

Тот пожал плечами:

– У меня определенных планов нет... По крайней мере до тех пор, пока мы не узнаем, от чего погиб бедняга Беркович. А у вас?

– Хочу съездить на юго-западный берег Трэйклейна. Там имеется довольно известный аквапарк с океанариумом... Не желаете ли составить мне компанию?

Кеннеди отрицательно покачал головой – ему показалось, что Хэммет собирается совершить свою экскурсию отнюдь не с развлекательными целями. И в спутнике, вопреки приглашению, – не нуждается.

Расставшись с полицейским, Кеннеди направился в сторону гостиницы «Олд Саймон». Пошел пешком – Трэйк-Бич был невелик, а мысль о салоне раскалившейся под солнцем машины приводила Кеннеди в тоску.

Трэйк-Бич, 24 июля 2002 года, 14:29

Шагавшего навстречу пожилого джентльмена, одетого во все белое, Кеннеди заметил сразу. Было тому на вид лет семьдесят, а может и больше. Внимание привлекала походка и осанка джентльмена – двигался он прямо-таки церемониальным шагом гвардейца, несущего караул у Букингемского дворца. А подобную осанку, по убеждению Кеннеди, в таком возрасте могли сохранить лишь отставные адмиралы.

Экс-адмирал решительно направился прямо к нему.

Подожел, поклонился старомодным поклоном.

– Здравствуйте. Меня зовут Фрэнсис Косовски. Рад приветствовать вас в нашем городе.

– Здравствуйте, – с легким удивлением ответил Кеннеди.

– Скажите, ведь это вы обедали сейчас с Сэмом Хэмметом? И вы – агент ФБР?

Удивление Кеннеди сменилось подозрительностью. Его выезды на задания светской хроникой не освещались. Да и Хэммет, похоже, избегал ненужной рекламы.

– Откуда у вас такая информация?

– Помилуй Бог, в этом городе многие еще помнят сына старого Хэммета, хоть Сэм давненько уехал отсюда. А вам – если желаете сохранять инкогнито – не стоит носить удостоверение с огромными синими буквами FBI в том же бумажнике, что и деньги. Или, по меньшей мере, не распахивать его так широко, расплачиваясь с официантами.

Ай да адмирал... Отрицать очевидное глупо. Хотя и было это не проколом, а старым и проверенным способом сдерживать излишнюю тягу к чаевым коридорных, официантов и работников автозаправок.

– Да, я работаю в ФБР. Моя фамилия Кеннеди.

– Кеннеди? А вы...

– Нет, не родня, – не дал договорить ему Макс. И тут же проверил собственную наблюдательность:

– Зато среди моих родственников есть другой Кеннеди – герой арктических морских сражений...

Старик понял всё с полуслова. Широко улыбнулся и пропел хрипловатым баритоном:

Вызвал Джеймса адмирал
Вы не трус, как я слышал,
Джеймс Кеннеди!

Агент ФБР продолжил старую флотскую песенку:

Ценный груз доверен вам,
Джеймс Кеннеди,
В Мурманск отвезти друзьям,
Джеймс Кеннеди...⁶

Может, до адмирала Фрэнсис Косовски и не дослужился, но к военно-морскому флоту отношение наверняка имел... И Макс спросил совсем иным тоном:

– У вас ко мне какое-то дело?

– Как сказать, как сказать... Дело может оказаться у вас ко мне – если я правильно угадал причину вашего приезда.

«Едва ли...» – подумал Кеннеди.

Истинная причина его приезда имела место лет тридцать с лишним назад – когда во Вьетнаме молоденький сержант морской пехоты Ричард Истерлинг подружился со спасенным из вьетконговского лагеря для пленных соотечественником по фамилии Вайсгер. Прошли годы, один из них стал фактическим владельцем озера, а второй – непосредственным начальником агента Кеннеди. И вот теперь означенный агент мается от жары и слушает байки о лососе-людоеде – в том, что сейчас предстоит выслушать очередную такую историю, Кеннеди ничуть не сомневался. Он почувствовал, как по спине, под рубашкой, побежал тоненький ручеек пота. Очень хотелось скинуть пиджак, но подплечная кобура с «зауэром» в карман брюк не помещалась... «Сегодня же оставлю эту тяжесть в сейфе отеля, – решил Кеннеди, – и оденусь как нормальный отдыхающий».

Тем временем старик, не дождавшийся ответа на свои последние слова, продолжил:

– Ведь вы приехали за головой старого Трэйки, правильно? В музее ФБР, если таковой имеется, она будет смотреться неплохо.

– А вы можете подсказать прикормленное место и надежную насадку? – понуро пошутил Кеннеди.

– Увы, нет, хоть и ловлю рыбу в этом озере двадцать лет – не пропуская ни одного дня! Ни одного дня, сэр! Даже в день похорон моей жены...

– Это очень интересно, – сказал Кеннеди тоном, намекающим на обратное.

– ...я выезжал на озеро, правда всего на час, – продолжал джентльмен, ничуть не смущаясь. – Рыбачил я и семнадцатого июля, почти весь день...

И старик провокационно замолчал. Неизвестно, каковы были его успехи в борьбе с рыбьим населением Трэйклейна, но агент Кеннеди подброшенную наживку заглотил.

– Вы видели отца и сына Берковичей? – быстро спросил он.

Косовски выдержал полагающуюся паузу и сделал классическую подсечку:

– Видел. И, по-моему, я оказался последним, кто их видел... Но шерифа Кайзерманна это не особенно заинтересовало. – И тут же, без перехода, старик потянул леску в другую сторону:

---

⁶ Капитан Джеймс Кеннеди, якобы водивший через Арктику в СССР конвои судов союзников – персонаж флотского фольклора времен Второй мировой войны.

– Слишком жарко здесь, на солнце. В моем возрасте надо аккуратно дозировать подобные нагрузки...

Между прочим, как отметил Кеннеди, ни капельки пота на лице старика не наблюдалось. Не иначе эта функция организма у отставных адмиралов сама собой атрофируется...

– Разрешите пригласить вас на бокал чего-либо прохладительного, – вздохнул Кеннеди, чувствуя, как натянутая леска влечет его напрямик к сачку. И показал рукой на одно из многочисленных заведений – тех, что занимали первые этажи ровно у половины всех зданий, выстроившихся вдоль главной улочки городка. Во второй половине домов размещались магазинчики, торгующие пляжными товарами и сувенирами «a-la Трэйк». А улочка называлась – угадаете с трех раз? – конечно же, Трэйк-стрит.

Аквапарк «Блю Уорд»

24 июля 2002 года, 15:18

Дельфинам жара, похоже, никак не мешала – четверо китообразных демонстрировали, к бурной радости малолетних гостей дельфинария, немудрящие чудеса дрессуры: прыгали через обруч, перебрасывались огромным надувным мячом, возили по бассейну плотик с самыми смелыми, хоть и отчаянно визжащими, малышами.

Зато выступление пары алеутских сивучей, привыкших совсем к другому климату, не состоялось. Звери на жаре оказались нервными и раздражительными – что в сочетании с десятью футами длины, семью центнерами веса и пастями, полными внушительных зубов, заставляло относиться с уважением к капризам ластоногих артистов. Сивучей лишь на короткое время продемонстрировали почтеннейшей публике – и быстренько отправили обратно в вольер. Но Хэммет успел оценить и взять на заметку размер клыков и не слишком дружелюбный нрав зверюшек.

Выступление закончилось, зрители покидали трибуны дельфинария. Хэммет вышел с общим потоком, и вновь – второй раз за сегодняшний день – повернул к океанариуму. Вновь купил билет и опять двинулся по тоннелю с прозрачными сводами, проложенному по дну бассейна с морской водой. Но сейчас его не интересовали экзотические виды рыб, морских членистоногих и моллюсков, – их он внимательно изучил во время первой прогулки. Изучил и убедился: гвоздя программы – четырехметровой белой акулы – в океанариуме нет. Хотя она упоминалась в рекламной брошюрке аквапарка, купленной сегодня Хэмметом в Трэйк-Бич...

Сейчас Хэммет обращал внимание совсем на другое – и увидел-таки искомое. Мужчина в униформе аквапарка, с пластиковым ведром-контейнером в руке, прошмыгнуло тоннелю и исчез за крохотной дверцей без надписей.

Вид у мужчины был достаточно обнадеживающий: беспокойно бегающие глаза, нос и верхняя часть лица набухли красными прожилками...

«Белая рвань», – подумал Хэммет с презрением. Этот термин, родившийся южнее линии Мейзон-Диксон, вполне подходил к скрывшемуся в служебном помещении индивиду⁷. Детектив дождался, пока группа посетителей пройдет мимо, и решительно толкнул неприметную дверь без таблички.

---

⁷ «Белой рванью» южане-плантаторы именовали бедноту Южных штатов с белым цветом кожи.

Кеннеди, Трэйк-Бич, 24 июля 2002 года, 15:21

После седьмого «скрудрайвера»⁸ – а иных прохладительных напитков экс-адмирал не признавал – Кеннеди узнал всё. Ну, или почти всё, что происходило с мистером Косовски за двадцать лет отставной жизни в Трэйк-Бич. Знал имена его многочисленных знакомых, и вес рекордных рыб, пойманных старым джентльменом, и много чего еще... Вот только о дне, ставшем роковым для семейства Берковичей, расспросить никак не удавалось. Косовски с удивительной ловкостью переводил разговор на иные происшествия, имевшие место в Трэйк-Бич, – и употреблял очередной «скрудрайвер».

Наконец жажда старика слегка умерилась. И неожиданно он без обиняков, конкретно и точно, начал рассказывать.

– Я ловил как раз на границе бухты и озера, на перепаде глубин. А они, отец с сыном, проплыли мимо меня около одиннадцати утра – может быть, чуть раньше. На надувной лодке с электромотором – на куда не годной, скажу вам прямо, сэр, тайваньской лодке. Дешевка, больше одного сезона не выдерживает.

Это Кеннеди знал. Знал он и о том, что лодка до сих пор не найдена.

– Скажите, – спросил он, – эта дешевка могла попросту лопнуть и моментально уйти на дно? Например, воздух в баллонах перегрелся, и...

– Исключено, сэр! Да, у всех подобных лодок есть главный дефект – через два-три месяца использования швы начинают пропускать воздух. Но моментально от этого на дно не отправиться... Итак, я продолжаю. Берковичи ловили на два спиннинга – блесны тащились за лодкой. Спиннинги – обратите внимание – были тяжелые, мощные, больше подходящие для морской ловли, с очень толстой леской. И мальчишка крикнул мне, что они едут ловить старину Трэйка – не больше и не меньше. Потом они вышли в озеро, а я остался на том же месте, спиной к ним, и не видел, как проходит их рыбалка.

Кеннеди стало грустно. Слова старика лишь подтверждали показания миссис Беркович – не доверять которым и без того оснований не было. Похоже, и время, и «скудвайзеры» потрачены зря.

Словно услышав его мысли, Косовски сказал:

– Все это я рассказал и шерифу Кайзерманну. И он меня внимательно выслушал. Но вот о чем он не пожелал слушать...

Старый джентльмен сделал многозначительную паузу. Кеннеди вздохнул и заказал еще один коктейль. Пару раз приложившись к бокалу, Косовски продолжил:

– Спустя какое-то время я встал в лодке – оглядеться, размять ноги... И, оглянувшись, увидел лодку Берковичей. Она как раз исчезала за каменистым мысом, что отделяет бухту от озера, и двигалась к середине Трэйклейна. И вот что я скажу вам, сэр: лодка двигалась кормой вперед! А один из спиннингов согнулся просто-таки в дугу!

– Очевидно, им попалась рыба?

– Я ловлю здесь двадцать лет, сэр! И с немалым успехом! Уверю вас – ни один из подводных обитателей Трэйклейна не смог бы так согнуть эту мощную конструкцию – морской спиннинг! Вернее, смог бы, – но только один-единственный...

– Биг-Трэйк?

– Он самый! Или его брат-близнец, или случайно заплывшая сюда русская субмарина, или проснувшийся от спячки плезиозавр, – но никак не обычный здешний озерный лосось.

– Вы достаточно долго видели лодку и согнутый спиннинг?

– Секунды две-три, потом их закрыл от меня поросший кустарником мыс.

---

⁸ «Скрудрайвер» – коктейль, смесь водки или виски с апельсиновым соком.

– А солнце? Оно светило вам в глаза или в спину?

– Естественно, в глаза. Я всегда сижу в лодке спиной к солнцу, иначе от бликов на воде недолго заработать снежную слепоту...

«Понятно, почему шериф отмахнулся от этих показаний», – подумал Кеннеди. Тем более, что они шли абсолютно вразрез с интересами и Кайзерманна, и его покровителя.

– Скажите, мистер Косовски...

– Зови меня просто Фрэнком, парень! – безапелляционно заявил экс-адмирал. «Скрудрайверы» на жаре сделали-таки свое дело, и слово «сэр» из его речи напрочь исчезло.

– Скажите, Фрэнк, – а вы сами верите в Биг-Трэйка? В то, что за этой легендой стоит что-то реальное?

На этот раз Косовски ответил после долгой паузы.

– Как вам сказать... Когда был на двадцать лет моложе – верил. Ну, не совсем в то, что тут не один век живет лосось длиной с катер, – скорее, что в озере действительно водятся суперрекордные экземпляры, способные сокрушить любую снасть. Слишком многие *видели* в воде нечто. Очень большое нечто. И отнюдь не все они были любители приврать за стаканом. Кое-кто вполне заслуживал доверия... В общем, я верил, и довольно долго пытался изловить старину Трэйки. Собственно, я и поселился здесь во многом из-за этого. Вы знаете, каков размер премии за его поимку? Если бы покойный Беркович или кто-то еще подцепил его в этом году, «Биг-Трэйк-фонд» раскошелится бы на семь миллионов двести тридцать шесть тысяч долларов, не больше и не меньше. В следующем году сумма вырастет.

– Так много? – удивился Кеннеди. – Я слышал, что сумма превышает миллион, но чтобы настолько...

– Руководство фонда – а во главе там стоят Вайсгер и его родной брат – предпочитает не слишком ее рекламировать. Очевидно, опасаются, что в противном случае тут будет не продохнуть от ловцов, пытающихся добыть Трэйка не самыми законными, но весьма дорогостоящими способами, – и это отпугнет остальных отдыхающих. Но у меня свои источники информации...

– Как же могла сумма настолько вырасти? – В голосе Кеннеди слышалось сомнение. – Первоначально, шестьдесят с лишним лет назад, премия составляла двести тысяч, правильно? При стандартных, и даже повышенных банковских процентах семи миллионов никак не наберется...

– Тут несколько иная механика, – пояснил Косовски. – Старый Вайсгер, отец нынешнего, положил в банк определенную сумму и вдобавок к ней передал фонду кое-какую собственность – достаточно бросовые тогда земли на северном берегу озера. Премияльная сумма пополняется не только банковскими процентами, но и доходами с этих земель. Достаточно мудро, если учесть, что тогда только-только закончилась Великая Депрессия, и папаша-Вайсгер видел, как рушатся самые, казалось, надежные банки и корпорации... Не прогадал он ни в чем – банк до сих пор на плаву, а цены на северные земли подскочили до небес – после того, как совсем рядом здесь проложили федеральное шоссе. Доходы за их аренду, соответственно, тоже растут. Братья Вайсгеры, надо думать, кусают локти – такая куча денег плывет мимо кассы. Но ни единого ярда земли продать, согласно уставу фонда, не могут. И взять себе арендную плату – тоже. Всё достанется будущему герою, который выудит-таки из озера нашего Биг-Трэйка.

– Насколько я понял, Фрэнк, несмотря на такой заманчивый куш, теперь вы оставили свои попытки?

– Теперь... В последние годы некоторые энтузиасты слишком усердно прочесывали озеро сонарами, эхолотами, подводными камерами и прочей новейшей техникой, хотя Вайсгер не слишком приветствует подобную деятельность. Не нашли ничего. То есть находки случались: топляки, утонувшие катера и лодки, даже «форд» известного в свое время бутлегера Крошки Билли, бесследно исчезнувшего в тридцатом году. Правда, от сидевшего внутри Билли и двух

его дружков мало что осталось... Но Трэйка не обнаружили. И хотя энтузиасты утешали себя рассуждениями о подводных пещерах и расселинах, где он может скрываться, я говорю вам точно: такой твари в озере нет. Может, когда-то раньше и была, и послужила основой для всех легенд. Жила – и умерла в свой час. Просто от старости. Рыбы тоже смертны...

– Хм... Насколько я понимаю, дохлая рыба спустя какое-то время обязательно всплывает...

– Не всегда. Если раки, или другие рыбы, или еще какие-то причины повредят ей брюхо, – туша так и останется на дне.

– Другие охотники за Трэйком вашей убежденности не разделяют?

– Вчерашний день поколебал мою убежденность. Сдается мне, что стоит сдуть пыль с кое-каких штучек, заготовленных в свое время для Трэйки... А другие охотники... Не знаю. Слишком уж велика премия... Тут стоит играть даже с самыми мизерными шансами. Иногда мне приходило в голову, что за такие деньги можно *создать Биг-Трэйка самому!* Создать и поймать! Вернее, представить Фонду пойманного.

– Муляж? – усомнился Кеннеди. – Но ведь подделка обязательно раскроется.

– Нет, все настоящее! Поймите, рыбы – в отличие от нас, млекопитающих, – не имеют установленных эволюцией пределов роста. Они растут всю свою жизнь, с каждым годом медленнее, но растут. Причем скорость прироста полностью зависит от количества потребляемой пищи. Огромным особям всё труднее добывать необходимое для роста количество белка – и прибавляют в весе они крайне медленно. Вы улавливаете мою мысль, Кеннеди?

– Боюсь, все равно придется очень долго ждать. На приз могут рассчитывать только правнуки человека, затеявшего такую аферу – искусственно выкормить Биг-Трэйка.

– Лет десять назад я с вами полностью бы согласился. Но в последнее время появились гормональные добавки, ускоряющие рост. Результаты просто фантастические. Годовалая молодь форели за два-три месяца достигает роста четырехлетних рыбин! Больше того, до стадии практических разработок дошли эксперименты с генетикой лососевых. Мысль проста – добавить лососю ген малоценной, но очень быстро растущей рыбы. Акулы, например. Представляете перспективы?

– Акулы... – медленно повторил Кеннеди.

– Да! Когда я поделился этими мыслями с... в общем, с одним человеком, он очень заинтересовался, и... Так, – тон и голос Косовски резко изменились, он смотрел куда-то через плечо собеседника. – Похоже, нам пора прощаться, агент Кеннеди.

– Что случилось?

– Моя супруга. Только что зашла в бистро за три дома отсюда. Явно ищет меня.

Старик протянул Кеннеди руку, встал и направился к выходу с открытой террасы кафе, где они сидели. На его походке и осанке выпитые коктейли не отразились.

– Последний вопрос, – торопливо сказал вслед Кеннеди. – Скажите, до отставки вы служили в ВМС США?

– Кто вам сказал такое? – на ходу удивился старик. – Я был заместителем шефа протокола при Конгрессе штата.

И ушел.

«Вот вам и адмирал... – разочарованно подумал Кеннеди. – Бывший мажордом при провинциальных законодателях... Но познаниями в ихтиологии не уступит иному профессору. Надо будет поговорить с ним еще раз – после окончательного результата экспертизы».

Аквапарк «Блю Уорд»

24 июля 2002 года, 16:10

Несколько новеньких десятидолларовых купюр, полученных Хэмметом в банкомате перед этим разговором, так и не понадобились.

Ральф Брезер – тот самый сорокалетний рабочий аквапарка – ни в какой дополнительной стимуляции не нуждался. Увидев значок и удостоверение Хэммета, Брезер впал в состояние тихой паники. Неконтролируемые жесты, бегающие глаза, выражение лица не оставляли сомнения – рыльце у Ральфа в пушку по самые уши. Не иначе как этот проныра воровал в гигантских масштабах предназначенную дельфинам и сивучам рыбу. Или поставлял в ближайший китайский ресторанчик трепангов и осьминогов, списывая их пропажу на прозорливость других обитателей океанариума. Или сотворил еще что-то не менее ужасное. А теперь понял, что незаконной деятельности пришел конец.

Обнаружив, что его грешки Хэммета совершенно не интересуют, он изливался охотно и радостно:

– Сивучи? Да, это скотинки с норовом, лопни моя задница. Никогда не знаешь, что взбредет в их косматую башку в следующую минуту. Старый Джеф Кунц, что возился с ними последних два года, клялся и божился, что они полюбили его, как родную маму. С рук, мол, кушают... И что же? Месяц назад одна из тварей выхватила у него из руки ставриду – вместе с двумя пальцами. И преспокойно сожрала, в смысле пальцы, даже – хе-хе! – не вычистив грязь из-под ногтей! Мало того, лопни моя задница, – пока Кунц метался и орал, заливая все вокруг кровью из своей грабки, этот мохнатый хитрозадый ублюдок вылез из бассейна, и – шлеп-шлеп-шлеп – пропрыгал через калитку, которую Джеф, понятно, не запер. И свалился в канал для гонок на водных велосипедах. А потом нормальненько так уплыл в озеро! Спорю на галлон виски – эта сволочь все продумала и просчитала. Даже то, что Кунц одной уцелевшей клешней не совладеет с замком на решетке! Именно так, лопни моя задница!

– И что было потом? – спросил Хэммет, стараясь, чтобы голос прозвучал лишь с умеренным интересом.

– Что потом? Теперь Кунц собирается выставить «Блю Уорду» иск на два миллиона. По миллиону за каждый из своих корявых пальцев, которые – хе-хе! – самый ушлый аукционист не загонит дороже двух червонцев за дюжину. Только дело не выгорит. Инструкция прямо запрещает кормить любых здешних тварей с рук – лишь бросать рыбу в воду.

– Меня больше интересует, что произошло со сбежавшим в озеро сивучем.

– Что, что... Из Фриско срочно прилетела команда поимщиков. Не знаю уж, как они там его ловили, но через пять дней этот пальцеед сидел на месте, вместе со своим дружком. Я думаю, далеко не уплыл, вертелся поблизости – привык жрать на дармовщину. А Джефа вышибли – вроде бы он, едва выйдя из больницы, пытался проташить на территорию ружье, заряженное медвежьими пулями. Очень уж на тварь осерчал. Он потом и мне совал пакет с каким-то крысомором – просил запихать в брюхо ставриде и кинуть его обидчику.

– И что?

– Да отказался я, лопни моя задница. Я их по мордам не различаю – вдруг не тому брошу?

При последних словах глазки Ральфа забегали с удвоенной скоростью, а красные прожилки на носу проступили сильнее обычного. Хэммет заподозрил, что отравленная ставридка отправилась-таки в бассейн, но рассчитанный на крыс яд не подействовал на существо с несколько большей массой тела.

– Значит, для вас они, сивучи, все на одно лицо... В смысле, на морду. Понятно... Меня еще интересует белая акула. Где она? Тоже отгрызла чьи-то пальцы и прошлепала к каналу для водных велосипедов?

– Какая еще акула, лопни моя задница? – Брезер удивился совершенно искренне.

Хэммет молча вынул из кармана рекламную брошюрку аквапарка и ткнул пальцем в изображение хищницы.

– А-а-а... Так ее и не было. Не довезли. Сдохла по дороге, совсем чуть-чуть не доехала. Профессор Лу сказал, что цистерна – в которой везли-то ее – никак не для нынешней жары. Ну и отбросила плавники рыбешка... В общем, поспешили с рекламой.

– Кто это – профессор Лу?

– А-а, есть тут один французик. Из института... не помню, лопни моя задница. В общем, из какого-то института. Приглаживает за каракатицами всякими.

Хэммет расспрашивал его еще минут десять – о профессоре, институте, о мерах принятых после побега сивуча для предотвращения подобных инцидентов, – но ничего интересного Брезер не сообщил. За исключением фамилии профессора-француза: Птикошон. Многого он просто не знал, и о многом слишком превратно судил со своей колокольни (вернее, из своей подсобки).

Прощаясь, Хэммет мысленно пожелал Ральфу исполнения его любимой присказки.

Милуоки, госпиталь ВВС США

24 июля 2002 года, 19:37

– Всегда думал, что в морге тихо и прохладно, – сказал Хэммет, смахивая пот со лба. – А здесь еще жарче, чем на улице. Странно...

Они поджидали Элис, парясь в зале для прощаний, оформленном в милитари-стиле и сейчас пустующем. Агент Блэкмор сильно опаздывала. Присесть было негде, и они стояли возле стены с мозаичным панно. Панно с некоторой долей условности изображало уничтожение японского авианосца палубными бомбардировщиками. Авианосец уже дымился, но Кеннеди подозревал, что на его палубах, не охваченных пока огнем, прохладнее, чем здесь.

– Говорят, мои далекие предки собирали хлопок на плантациях, под жарким солнцем юга, где такая температура обычное дело, – сказал Хэммет. – И выжить там могли только идеально приспособленные к жаре. Если всё действительно так – то генная теория наследственности яйца выеденного не стоит...

Кеннеди собрался было вяло вступить за честь генетики, но тут появилась Элис. Ужаснулась. Всплеснула руками.

– Что вы здесь делаете?! Ищу вас, ищу... Я же сказала – в зале прощаний с высшим офицерским составом, а этот – для рядовых и сержантов. Как вы вообще выжили в такой духовке? Ладно бы Кеннеди, – он вечно спешит куда-то, толком не дослушав, но вы-то, Хэммет...

– Жара, мэм. Мозги, они как предохранители в цепи, плавятся первыми, – виновато сказал чернокожий детектив (пардон! детектив-афроамериканец). – К тому же здесь на редкость запутанная система коридоров и на редкость бестолковый персонал.

...Генералы и адмиралы США, как вскоре выяснилось, провожали в последний путь своих коллег в обстановке куда более комфортной. Уютный прохладный зал обрамляла галерея с зимним садом – там на мягких диванах можно было скоротать время в ожидании выноса тела. Рядом мягко журчали несколько каскадов искусственного водопада.

«Те из вас, кто останется жив, позавидуют мертвым...» – вспомнил вдруг Кеннеди фразу из какого-то позабытого не то сериала, не то комикса. Рядовым и сержантам, возвращающимся

на родину в ящиках, прикрытых звездно-полосатыми полотнищами, он не завидовал. А вот господа с большими звездами на погонах умеют хорошо устроиться везде – хоть на этом свете, хоть на том...

Из раздумий о тщете всего сущего его вывела Элис, предложив ознакомиться с копией заключения экспертов.

Причин смерти Берковича-старшего оказалось две. Он одновременно захлебнулся (вода заполнила легкие) и истек кровью из многочисленных ран на нижней части тела – одна из них, затронувшая бедренную артерию, сама по себе была смертельной.

О причине ран эксперты высказались осторожно: острые предметы, предположительно – зубы неустановленного животного...

Версия шерифа Кайзерманна отпала окончательно. Береговые камни никак не могли нанести подобные повреждения – даже если предположить, что Берковича вынесло к ним во время океанского шторма.

– Это может быть имитация? Искусная имитация? – спросил Кеннеди. – Какое-нибудь орудие с острием в виде зуба или нескольких зубов?

– Исключено, – после секундного раздумья ответила Элис. – Это не нож в форме клыка, и не что-либо похожее. Зубы выполняли достаточно сложное движение, в двух плоскостях, – рвали и кусали одновременно. Если попытаться имитировать раны Берковича сразу от всех зубов челюсти, то будет практически невозможно добиться, чтобы предполагаемое орудие двигалось каждый раз одинаково, различия все равно неизбежны. Хотя бы потому, что ткани в разных местах тела имеют разную плотность и упругость... Нет, это не нож-клык. Это *челюсти*. Причем немалых размеров.

– Ну а какие-нибудь огромные щипцы, сделанные в форме челюстей? – не сдавался Кеннеди.

– Ни у одного человека не хватит сил, чтобы управиться с таким огромным и неуклюжим инструментом. Тем более, под водой. Вспомни – Беркович одновременно с укусами еще и захлебнулся. В нескольких местах его кости даже не раздроблены, а просто *прокушены*. Человеку такое чудовищное усилие не создать.

«Неужели все-таки Биг-Трэйк?» – подумал Кеннеди и сказал:

– Ну что же, придется устанавливать это самое неустановленное животное...

– Не придется, – сказал вдруг Хэммет.

Коллеги уставились на него с неммым вопросом.

– Я его сегодня видел. Впечатляет.

ВЕРСИЯ 1. ХЕММЕТ

– Надо думать, тут сыграл свою роль определенный стереотип мышления. Когда речь заходит о каком-то монстре, обитающем в воде, первым делом приходят в голову «Челюсти» Питера Бенчли. А затем и остальные бесчисленные продолжения и подражания – как книги, так и фильмы. Газетчики тоже, кстати, мыслили шаблонно – и поместили в свою статейку кадр из одноименного фильма. Когда я сегодня увидел рекламу аквапарка и океанариума «Блю Уорд» с изображением белой акулы, то тут же вспомнил: там в одном из продолжений «Челюстей» используется схожий сюжет – акула-убийца проникает в аквапарк. И предположил, что мы имеем дело с обратным случаем – акула вырвалась из океанариума в озеро. О чем владельцы и управляющие сего заведения старательно умалчивают. Кстати, догадайтесь: кто владелец «Блю Уорда»?

– Вайсгер? – хором высказали догадку Элис и Кеннеди.

– Он самый. На паях, правда, с Институтом Океанологии в Сан-Франциско. Вайсгер дал деньги, океанологи предоставили свои методики разведения морской фауны в искусственных условиях, кое-какое оборудование и нескольких специалистов. В какой пропорции они делят прибыли, мне не известно. Вернее, собираются делить – океанариум построен недавно и едва ли успел окупить вложения... В любом случае, становится вполне понятным стремление Вайсгера замять дело. Тут грозят не только потери прибылей от туристов, но и многомиллионные иски от семей погибших.

– Версия отдает Голливудом и крайне сомнительна, – вынесла вердикт Элис. – О таком событии знало бы слишком много людей: персонал, посетители... Наверняка информация просочилась бы. Да и прятать в мешке шило таких размеров бессмысленно. Рано или поздно всё раскроется, а количество жертв – и общая сумма исков – за это время только вырастет.

– Я и не настаиваю на этой идее, – сказал Хэммет. – Просто объясняю, что привело меня в аквапарк. Там выяснилось, что никакой акулы и не было. Вообще. Не смогли доставить, сдохла по дороге. Но заодно выяснилось и кое-что еще. Месяц назад из дельфинария при аквапарке сбежал огромный сивуч.

– Сивуч?

– Да! Здоровенное и агрессивное ластиногое, обитающее на Алеутах. На такой жаре – особенно агрессивное. При побеге, кстати, сивуч покалечил сторожа.

– Тут встают те же проблемы, что и в первом случае, – сказал Кеннеди. – Почему весть об этом широко не разошлась?

– Вайсгер выкрутился. Мгновенно привез команду опытных ловцов – и через несколько дней беглец был водворен на место.

– И каким образом он смог напасть на Берковича? Повторил побег? – не понял Кеннеди.

– В том-то и дело, что не повторил! Даже сотрудники «Блю Уорд» не больно-то различают сивучей между собой, что уж говорить о посетителях. Пострадавшего сторожа, хорошо знавшего зверей, уволили сразу же – благо, нашелся подходящий повод. Понимаете? Вайсгер просто купил и срочно привез нового сивуча! И объявил – у нас все в порядке, опасности никакой. А его ловцы тем временем продолжали поиск, чтобы тихо и незаметно уничтожить зверя. При таком раскладе достаточно обеспечить молчание лишь нескольких человек. Вполне реальное дело.

– Вы считаете – зверь еще на свободе? – спросил Кеннеди.

– Не знаю. Скорее всего – да. Хотя исключить, что за последние дни он был пойман – вернее, уничтожен, – тоже нельзя. Но у Вайсгера теперь в любом случае будут неприятности по высшему разряду, это я вам гарантирую. Какие-то концы наверняка остались, и наружу их вытянуть можно, – если знать, где искать. Теперь мы знаем.

«Если эта идея подтвердится, Истерлинг будет не слишком доволен, – подумал Кеннеди. – В любом случае нам со Элис придется искать не факты в пользу версии Хэммета, а любое альтернативное объяснение событий... Значит – опять Биг-Трэйк, лосось-переросток...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.